

Константин Дмитриевич Кавелин:

«Наше болезненное место – пассивность, стертость нравственной личности...»

Зачем нам история?..

Константин Дмитриевич Кавелин (1818 – 1885) – один из самых крупных и влиятельных русских мыслителей 40 – 80-х гг. XIX в. Историк, философ, правовед, публицист и мемуарист, он оказал огромное влияние на разработку ключевых проблем русской истории и культуры – и, прежде всего, проблемы бытия *Личности* в России. Оглядываясь на русское прошлое, он сурово отмечал: «У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его не создала; с XVIII века оно стало действовать и развиваться». Но в этой суровости был и элемент надежды. Личность в России все-таки появилась, а потому появился шанс на выход из многовекового безмолвия и замкнутой в себе жизни, перспектива превращения страны из этнографического объекта в самостоятельную творческую величину.

Действительно, как могли совмещаться старые представления об отсутствии личностного начала в русской истории с появлением, например, нового искусства – хотя бы с творчеством Пушкина? Значит, в какой-то момент наступил перелом... Когда? Идеи молодого историка Кавелина находились на самом пересечении наиболее болезненных тем, над которыми размышляли лучшие русские умы. Пушкин ведь тоже уловил этот парадокс: «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной...». XVIII век – это период петровских реформ, укрепления государственного могущества и выход России на сцену европейской истории. Случайно ли это совпадение: укрепления государства и становления личности? Того самого государства, которое чуть не раздавило – каждого по-своему – Чаадаева и Гоголя, которому так отчаянно сопротивлялся Лермонтов и позитивный смысл деяний которого пытался понять Пушкин, который утверждал, что государство – «единственный европеец в России», напрямую связывая появление новой литературы с западническими реформами Петра.

Проблема соотношения Личности и Государства становилась одной из центральных проблем русской духовной жизни, крайне важной для самоопределения русской культуры и русской политики. Нужна была целостная культурно-историческая концепция, которая увязала бы распадавшиеся противоречивые факты взаимоотношений личности и государства. Одной из самых существенных попыток такого рода и стало творчество Константина Дмитриевича Кавелина.

Формула русской истории

Выросший в семье, принадлежавшей, по определению Достоевского, к «средне-высшему кругу» русского дворянства, Кавелин отказывается от традиционной для этого служилого сословия военной или чиновной карьеры. Его влечет научная деятельность, желание понять окружающую действительность, выступить не передвигаемой другими пешкой, а независимой личностью, самостоятельно отвечающей за свое место в мире. Учеба в университете укрепила тягу к научным занятиям. Несмотря на сопротивление семьи (профессорство казалось матери Кавелина лакейской должностью), он с начала 40-х гг. читает в

Московском университете лекции по истории русского права. Тогда же он тесно сошелся с А. И. Герценом, который позднее, в «Колоколе» 1861 г., с любовью вспоминал Кавелина, ставя его в ряд ведущих деятелей русской культуры: «Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин – всё это наши товарищи, студенты Московского университета...».

Первые лекции и первые, еще не вызвавшие заметного шума в публике, журнальные публикации Кавелина, обратили на себя внимание одного из самых пронизательных критиков 40-х гг. – В. Н. Майкова. В статье 1846 г. он сравнивает деятельность Кавелина в науке с переворотом, произведенным в искусстве Гоголем: «В то же время, как зарождалось у нас славянофильство, зарождался и противоположный взгляд на прошедшее и настоящее России. Это был взгляд спокойного, беспристрастного анализа, взгляд, который сначала произвел такой же ропот в науке, как сочинения Гоголя в искусстве, но который мало-помалу делается господствующим. В последнее время представителями его являются профессора Московского университета, гг. Кавелин и Соловьев, которым, может быть, суждено сделать для русской истории то же, что сделал Гоголь для изящной литературы...».

Но подлинную славу и влияние Кавелина на русскую общественную мысль надо отсчитывать с 1847 г., когда в журнале «Современник» публикуется его статья «Взгляд на юридический быт древней России». Статья эта была составлена из курса лекций по просьбе В. Г. Белинского, считавшего выраженный в этих лекциях взгляд «гениальным».

Прежде чем формулировать культурно-историческую позицию Кавелина, стоит посмотреть, в контексте каких идей и проблем она зародилась и ответом на какую позицию была. Как известно, в XIX в. первой попыткой философии русской истории явилось «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, опубликованное в 1836 г. в «Телескопе». Журнал, опубликовавший это письмо, был закрыт, цензор отстранен от должности, редактор сослан, а сам автор объявлен сумасшедшим. Причиной тому был поразительно мрачный взгляд мыслителя на историю России и на ее настоящее. Письмо это было воспринято современниками как «обвинительный акт против России». Действительно, оптимизма было в первом письме Чаадаева маловато: «В самом начале у нас дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое унижительное владычество завоевателей, владычество, следы которого в нашем образе жизни не изгладились совсем и донныне. Вот горестная история нашей юности... Мы живем в каком-то равнодушии ко всему в самом тесном горизонте без прошедшего и будущего... Мы идем по пути времен так странно, что каждый сделанный шаг исчезает для нас безвозвратно. Все это есть следствие образования совершенно привозного, подражательного. У нас нет развития собственного, самобытного...». Но в такой пессимистической позиции и была *постановка проблемы*.

По сути дела, Чаадаев заявил, что Россия и Западная Европа развиваются на разных основаниях, ибо Россия не имела *личностей*, способных определить ее самобытно-прогрессивное движение. Славянофилы, опровергая Чаадаева, тем не менее признали «разность оснований», все заимствования и подражания с Запада объявив случайностью; они искали национальную самобытность в общинности, православной соборности, отказе народа от политической жизни, отсутствии активной личностной деятельности. Иными словами, все те характеристики России, которые выступали у Чаадаева со знаком минус, получили у славянофилов положительную оценку.

Однако и Чаадаев, и славянофилы, по позднему замечанию П. Н. Милюкова, «искали идей в истории..., стояли высоко над материалом, над действительностью в русской истории, не только не объясняя ее, но даже и не соприкасаясь с ней». В этих словах есть некоторое преувеличение, но все же именно Кавелин стал первым профессиональным историком, начавшим «работать в материале» и при этом сумевшим дать свою «формулу» русской истории. Противопоставляя кавелинскую историческую концепцию взглядам славянофилов, его ученик, а потом и коллега, либерал-правовед Б. Н. Чичерин отмечал: «Как далек был этот здравый, трезвый и последовательный взгляд на русскую историю от всех бредней славянофилов, которые, страстно изучая русскую старину, ничего не видели в ней, кроме собственных своих фантазий».

Что же сказал Кавелин в своей знаменитой статье в «Современнике»? А то, что «внутренняя история России – не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, – стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после, реформ. Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде – русскими славянами...».

Итак, Кавелин искал через свою «формулу российской истории» путь не к «самодостаточной» (в отличие от славянофилов), а к универсальной, «общечеловеческой жизни». Как ему казалось, он нашел и ценностную точку отсчета, способную дать единство мировому прогрессу, на которую этот прогресс может опереться, – *Личность*. На Западе, писал он, «человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами, у нас он вовсе не жил, и только начал жить с XVIII века. Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один». Кавелинские поиски предпосылок, позволявших надеяться, что личность не привозной плод, не заморское растение, которое погибнет, не прижившись на российской почве, были порождены требованиями времени. Уже Пушкин своим творчеством показал возможность в России незамкнутой, развивающейся, открытой и отзывчивой личности. Необходимо было историческое обоснование этого феномена.

Строго говоря, Кавелин распространил на Россию вывод западников о том, что история движется только там, где есть развитая личность, что только при этом условии страна входит в круг цивилизованных наций, способных к прогрессу образования, просвещения, промышленности. Для народов, утверждал он, призванных ко всемирно-исторической деятельности, существование без начала личности невозможно. Личность есть необходимое условие духовного развития народа. Спустя годы, в 1863 г., на чтениях в «профессорском клубе» в Бонне об освобождении крестьян он в своем «Кратком взгляде на русскую историю» четко сформулировал: «Если мы – европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт».

В этом и состояло отличие позиции Кавелина и от чаадаевской, и от славянофильской «формулы» русской истории, основой которых было противопоставление России Западу. Чаадаев утверждал, что русские не европейцы; славянофилы же, что русские – другие европейцы, нежели на Западе, с другой (истинной) христианской верой и другой ментальностью (общинностью вместо западной индивидуальности). Заслуга Кавелина перед русской

общественно-литературной мыслью, его успех объясняются тем, что он дал личностную, и в этом смысле антиславянофильскую, но *оптимистическую* (и потому – античаадаевскую) версию русской истории. По Кавелину, распадение родового быта, укрепление быта семейного, последующий его кризис привели к возникновению могучего государства в России. А «появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности».

«Наше больное место, – писал позднее Кавелин в статье “Наш умственный строй”, – пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности и воли». Однако, будучи убежденным западником, Кавелин резко возражал против пассивного заимствования западных идей и теорий без учета российского «коэффициента преломления». Личность, по его мнению, – есть продукт воспитания, а не подражания: «Нам не следует, как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. В Европе наука служила и служит подготовкой и спутницей творческой деятельности человека в окружающей среде и над самим собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у нас... Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука...».

Первой свободной великорусской личностью Кавелин считал императора Петра: «В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила их себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начал личности в русской истории». Именно пробуждающимся в России личностным началом объяснял Кавелин и просветительский западнический радикализм Петра: «В обществе, построенном на крепостном начале, личность могла заявить себя не иначе, как с большою ненавистью к порядку дел, который ее давил со всею необузданностью и гневом угнетенной силы, рвущейся на простор, с пристрастием к цивилизованной Европе, где личность служит основанием общественного быта и права, свобода ее признана и освящена».

Найдя «первую свободную личность» в России в образе самодержца-просветителя, Кавелин последовательно связывал развитие личностного начала России с европеизмом русской просвещенной государственности, именно от государства ожидая распространения в обществе личностных свобод. Кавелин полагал, что царская власть всегда была в России «дейтельным органом развития и прогресса в европейском смысле». Более того, он считал, что в России вообще все благотворные перемены шли сверху, начиная с Крещения Руси: «Это великое событие было делом князя и меньшинства народа и шло, как и все великие реформы у славян, сверху вниз». Сверху шло и постепенное раскрепощение сословий – от дворянства до крестьянства.

Противостояние «николаевщине»

Однако, являясь сторонником просвещенного абсолютизма, либеральный западник Кавелин был столь же стойким и жестким противником антипросветительских и антилиберальных действий власти. Уход Кавелина в 1848 г. из Московского университета совпал с наступлением так называемого «мрачного семилетия». Европейские революции оказались поводом для внутрироссийских репрессий. В своих мемуарных «Записках» историк С. М.

Соловьев так вспоминал это время: «В событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не скрывал своей ненависти к профессорам... Грубое солдатство упивалось своим торжеством и не щадило противников, слабых, безоружных... Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще надобно было продолжать возвращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось...».

Все это, однако, не поколебало кавелинскую «формулу» русской истории. В сентябре 1848 г. он писал Т. Н. Грановскому: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, – только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни». А в том, что культура, просвещение, национальная жизнь и литература должны быть самостоятельны, и что это совместимо с абсолютизмом, Кавелин был уверен вполне. Поэтому так энергично выразился он по поводу смерти императора Николая спустя семь лет, в марте 1855 г.: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, – это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры – околел, наконец, и это сущая правда! До сих пор как-то не верится! Думаешь, неужели это не сон, а быль?... Экое страшилище прошло по головам, отравило нашу жизнь и благословило нас умереть, не сделавши ничего путного! Говори после этого, что случайности нет в истории и что все совершается разумно, как математическая задача. Кто возвратит нам назад тридцать лет и призовет опять наше поколение к плодотворной и вдохновенной деятельности!».

Но и в самые трудные годы Кавелин («оптимист», «вечный юноша», по определению современников) никогда не складывал руки, тем более, что само николаевское правление для кавелинской прогрессистской исторической концепции – не более чем историческая случайность. Научные исследования русской истории, всё новые и новые выступления Кавелина в печати, его лекции, которые он возобновил после смерти Николая в Санкт-Петербургском университете и которые вызывали восторг и энтузиазм молодежи, оказывали бесспорное влияние на духовную жизнь российского общества.

Однако Кавелин был занят еще и потаенной работой, начало которой относится к последним годам «николаевщины». Б. Н. Чичерин вспоминал: «На юбилей прибыл из Петербурга Кавелин. Однажды он приехал ко мне и стал говорить, что положение с каждым днем становится невыносимее, и что так нельзя оставаться. О каком-либо практическом деле думать нечего, печатать ничего нельзя; поэтому он задумал завести рукописную литературу, которая сама собою будет ходить по рукам». Характерно, что издаваемые в Лондоне герценовские «Голоса из России» начались именно статьями Кавелина, опубликованными, разумеется, без подлинного имени автора.

В годы правления Александра II авторитет Кавелина в научных и придворных кругах, как специалиста-историка и прогрессивного деятеля, был столь высок, что его даже пригласили в воспитатели к наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу. Перед Кавелиным возникает перспектива общественного служения, рифмующегося с позицией В. А. Жуковского, воспитавшего, как многим казалось, «просвещенного монарха» – Александра II. Но такой – вторичной в каком-то смысле, во всяком случае, опосредованной,

рассчитанной на десятилетия, деятельности Кавелину было явно недостаточно – он хотел активного участия в общественной борьбе. И, прежде всего, возможно более быстрого и безболезненного упразднения крепостного права, этого проклятия русской жизни. По разлитому в воздухе эпохи настроению было понятно, что новый царь намерен этот вопрос решать, но говорить об отмене крепостного права в печати было тем не менее запрещено. В продолжение своей «рукописной литературы» Кавелин пишет своего рода трактат – широко разошедшуюся по рукам «Записку об освобождении крестьян». Часть этой записки (также без имени автора) печатает в «Голосах из России» А. И. Герцен; другую часть, тоже безымянно, публикует в «Современнике» Н. Г. Чернышевский.

Читатели «Записки» сразу обратили внимание на то, что безымянный автор ставит вопрос об освобождении крестьян весьма широко, выступая не только за освобождение помещичьих крестьян с землей (через ее выкуп), но и против «государственного крепостничества», к которому он относил позорную практику солдатской рекрутчины. Впрочем, подлинное имя автора «Записки» быстро становится известным, и Кавелина отстраняют от преподавания наследнику и отлучают от двора.

Разрыв с радикалами

Когда в 1862 г. в Петербурге случились известные пожары, Кавелин, как и многие его современники (Достоевский, Лесков), поверил, что это дело рук «революционной партии». Начинается расхождение, а затем и разрыв Кавелина с радикальной частью общественного движения. В 1862 г. он писал Герцену в связи с арестом Чернышевского: «Аресты меня не удивляют, и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». Данное письмо, как и многие другие последующие публикации, часто вменялись Кавелину в вину, как «реакционные», – поздний Кавелин окончательно разошелся, например, с эмигрантом Герценом. Однако, с другой стороны, антирадикальные предостережения Кавелина могут рассматриваться и как «полупророческие»: пришедший к власти в России в начале двадцатого века революционный экстремизм оказался во много раз более репрессивным, чем старая власть.

В 1862 г. Кавелин печатает за рубежом брошюру «Дворянство и освобождение крестьян», в которой он скептически оценил правительственный вариант освобождения крестьян. Кавелин исходил из того соображения, что крестьянская реформа была проведена правительством вопреки желанию большинства дворянства, опасавшегося губительных для себя последствий. Неизбежное напряжение между дворянством и крестьянством может привести к революционному взрыву, что, на взгляд Кавелина, отбросило бы Россию далеко назад. За революционным хаосом могла возникнуть еще худшая диктатура. В одном из писем Герцену в июне 1862 г. Кавелин замечал: «Выгнать династию, перерезать царствующий дом – это очень не трудно, и часто зависит от глупейшего случая; снести головы дворянам, натравивши на них крестьян, – это вовсе не так невозможно, как кажется... Только что будет затем? То, что есть, не создаст нового, по той простой причине, что будь оно новым, – старое не могло бы существовать двух дней. И так выплывает меньшинство, – я еще не знаю какое, – а потом все кристаллизуется по-старому...».

В своих политических расчетах либерал Кавелин не делал серьезной ставки на «средний класс», «третье сословие» – оно, по его мнению, было столь малочисленно и слабо, что пока еще могло не приниматься в расчет. Стало быть, говорить о всеобщем представительном правлении можно было только в расчете на крестьянство, на *мужицкое царство*, составлявшее 80 процентов населения. Крестьяне же, полагал Кавелин, не были еще готовы не только к общенациональному представительству, но даже к гражданскому самоуправлению. «Россия, – писал Кавелин, – еще во всех отношениях печальная пустыня; ее надо сперва возделать...». Оппонент Кавелина – Герцен, в очередной раз обидевшись за народ, обвинил бывшего друга во вражде к народу, публично утверждая, что свои рассуждения Кавелин основывает на том, что «народ русский – скот, выбрать людей для земства не умеет, а правительство – умница...».

Между тем, спор о сроках и мере готовности народа к демократическому правлению в России так и не был разрешен. Фактом остается то, что, спустя всего несколько десятилетий, Революция в России победила Конституцию. Многие позднейшие отечественные историки (Н. Я. Эйдельман, например), изучая истоки большевистской трагедии, полагали, что своевременное принятие конституции, постепенно приучавшей народ к представительному правовому правлению, могло бы еще до возникновения радикальных революционных партий направить Россию на европейски-эволюционный путь развития, вводя в общественное сознание *понятие свободы*.

Личность, свобода, самодержавие

Известно, что преобразования в России, необходимые для выживания страны, чаще всего проводились в жизнь самодержавной властью при опоре на бюрократию. Поэтому Кавелин полагал, что политическая эмансипация, конституционное ограничение самодержавия могут затормозить политику «реформ сверху». С другой стороны, он опасался, что конституция в России может оказаться лишь верхушечной, дворянской, и власть тем самым окажется в руках аристократической олигархии, сопротивляющейся реформам. Между насущными реформами государственного управления и демократизацией общества либерал Кавелин однозначно выбирал реформы управления. А это управление, как местное, так и центральное, требовало, по его мнению, коренных преобразований: «Наши законы спутаны и обветшали; наше финансовое положение беспорядочно, расстроено и опасно; судопроизводство никуда не годится; полиция ниже критики; народное образование встречает на каждом шагу препятствия; гласность предана произволу, не ограждена ни судом, ни законом... Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству».

Мирозерцание Кавелина в 70 – 80-е гг. становится все более пессимистичным. Его надежда на «великий компромисс» между сословиями и партиями явно терпела неудачу. Договариваться могут только ответственные личности, а их-то в России он и не видел. В «Задачах психологии» он писал о перспективе «обезличивания» российской жизни и политики: «Личностям предстоит обратиться в безличные человеческие единицы, лишённые в своем нравственном существовании всякой точки опоры и потому легко заменимые одни другими... Мы уже больше не боимся вторжения диких орд; но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении, за которым по пятам

идет умственная немощь...». Из писателей в конце 70-х гг. он чувствует внутреннюю солидарность с И. С. Тургеневым, открыто полемизирует с «пушкинской речью» Достоевского. Упрекая последнего в несправедливом шельмовании либеральной интеллигенции, отказывавшейся верить в мифы о «душе народа», Кавелин закончил одно из своих писем к Достоевскому достаточно резко: «Стало быть, – скажете вы мне, – и вы тоже мечтаете о том, чтоб мы стали европейцами? – Я мечтаю, отвечу я вам, только о том, чтобы мы перестали говорить о нравственной, душевной, христианской правде, и начали поступать, действовать, жить по этой правде!». Но, к несчастью, безумные, трагические герои Достоевского больше говорили о возможном будущем России и тем самым были много реалистичнее, чем публицистические сетования историка.

Допустить, что не всё подчиняется рационально ориентированной науке, ее логике, Кавелин не мог. Даже в романе «Новь» близкого ему по духу Тургенева он не заметил одной тревожной ноты, на которой заканчивается произведение. «Безымянная Русь!» – так устами Паклина определяет Тургенев будущих делателей русской истории, предчувствуя время, когда идея личности вновь надолго уйдет на периферию исторического процесса в России. Выступая в защиту «Нови», используя ее образы в своих статьях, в опубликованной за рубежом брошюре «Разговор с социалистом-революционером» (1880), Кавелин словно сознательно закрывал глаза на, выражаясь научным языком, *нелиберальные структуры сознания*, характерные не только для героев Достоевского, но и персонажей Тургенева.

Самодержавный запрет на политическую свободу личности, часто оправдываемый либералами во имя «прагматических реформ», естественно сказался на радикализации подпольных революционных кружков и партий. Пытаясь реформировать, «воспитать» самодержавие, либералы упустили из виду радикалов, чувствовавших себя «орденом меченосцев», ибо только такой, обезличенный психологический тип мог противостоять абсолютистскому государству, а в перспективе – построить его новый, тоталитарный вариант.

В последние годы жизни Кавелин пишет интереснейшие письма и трактаты, призывая к труду как основе человеческой жизнедеятельности, пытается восполнить недостаток психологических разработок проблемы личности (трактат «Задачи психологии», 1872), надеется на воспитательную силу искусства («О задачах искусства», 1878), пишет трактат по этике, посвященный молодежи («Задачи этики», 1884). Россия может превратиться в деловую созидательную страну, а русские люди из Обломовых в Штольцев, полагал он. Кавелин чувствовал себя *призванным* проделать подготовительную для этого работу в умах русских образованных людей. В 1885 г. он писал графу Д. А. Милютину: «Смейтесь, а мне ужасно улыбается роль деви Орлеанской...».

Однако все кавелинские призывы к труду, к нравственности, к насаждению грамотности словно повисали в воздухе, не получая серьезного общественного резонанса в стране, раздираемой на полюса самодержавного охранительства и радикального революционаризма.

Скончался К. Д. Кавелин 3 мая 1885 г. Историк был похоронен на петербургском Волковом кладбище рядом с другом своей юности Тургеневым. Его провожали в последний путь, как одного из выдающихся мыслителей своего времени. «Учителю Права и Правды», – так было написано на серебряном венке, возложенном на могилу его учениками.